Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 8-9. АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ, 1922 г. 2 серия.

Содержание: Нищенство.—Из переписки учителя.—Налоги и революция.—В защиту анархии. *Элизе Реклю.*—Плоды централизации.—„Исповедь" Бакунина царю Николаю I. *М. Нетлау.*—К вопросу об организации Кропоткинского музея.—Ответ товарищу из провинции.

НИЩЕНСТВО.

Широкой волной разлилось нищенство по лицу земли русской. Явление бытовое и в былые времена, оно приняло особенно острый характер в связи с общим обеднением населения в результате почти безпрерывных войн и . . . . власти за последние годы.

Нищих стало так много, что их можно было бы выделить в особый общественный класс,—класс, разнохарактерный по своему происхождению, представляющий свои расслоения, но имеющий одну общую черту: он весь поглощен заботой о физическом прозябании, без развития, без надежды, без будущего.

Класс нищих, обойденных природой и обездоленных общественными порядками, обогатился широким притоком инвалидов недавних войн. Но всего безотраднее среди них судьба нищей детворы, обычно сирот или заброшенных нищими же родителями детей.

У нас существуют прекрасные по замыслам законы о «социальном обеспечении», но об их практической недостаточности можно судить по следующей «хронике происшествий»: 10-го мин. июля в Москве «на площади у Курского вокзала было найдено два трупа малолетних девочек по фамилии Васенок. Дознанием установлено, что причина смерти девочек—голод». Об этом сообщили «Известия ВЦИК» в № 152 (1591) на 4-ой странице, мелким шрифтом, как о незначительном происшествии, без комментариев. . . . .

Когда в области, охваченной неурожаем, умирают от голода люди,—не столько в результате природного стихийного бедствия, сколько вследствие социальной стихии. . . . . то это явление можно назвать *закономерным*, и в прямом, и в хозяйственном смысле слова. Если все продовольствие данной области распределить по самым урезанным нормам между жителями, то его не хватит на всех. Но можно ли то же самое сказать о Москве, изобилующей всевозможным продовольствием? На площади у Курского вокзала несчастные дети угасли, истощенные голодом, не умея даже побираться: ибо Москва не менее богата отзывчивыми сердцами, чем материальными благами.

Только благодаря первобытному состоянию дела общественного призрения могли умереть дети в самом чутком „сердце России", на шумной и людной площади.

Система случайных подаяний при случайных же встречах может быть и достаточна в малых поселениях, где все жители знают друг-друга и могут во-время откликнуться на вопиющую нужду, но не в современных многолюдных городах. . . .

Необходима организация на целесообразных началах того *подаяния*, которое малозаметной, но широкой струей изливается из народных масс на нищенствующих. Если бы оно, плохо ли, хорошо ли, не питало их, то нищенство не могло бы существовать и все люди, дошедшие

до последней черты нужды, неминуемо вымирали бы.

Подаяние, это стихийное и недостаточно оцененное проявление глубокого инстинкта взаимопомощи, в современном обществе практикуется вслепую. Одним, более умелым побираться, или вызывающим по внешнему виду большее сострадание, оно передает сравнительно много и не додает в других случаях. Сколько раз эта неуверенность в ее целесообразности, в связи с рассказами об обогащающихся нищих, сжимают руку, готовую при иных условиях щедро раскрыться навстречу достоверной нужде!

Ничто нам не мешает лелеять широкие социальные замыслы, стремиться к их скорейшему революционному осуществлению, но рядом с этим не надо пренебрегать запросами текущей обыденной жизни. Хорошо организованное общественное призрение, питаемое даяниями широких народных слоев, (а не крохами со стола богатых или дорого стоющим благоусмотрением государственной власти), является, даже при нынешних капиталистических и государственных порядках, частицей того «будущего строя», до которого рукой подать на этом пути. Из-за презрения к «буржуазной благотворительности» мы не имеем права уклоняться от практики взаимной помощи—этой сущности анархического коммунизма.

* * *

Но как обычное подаяние превратить в организованное общественное призрение, не прибегая к бездушным государственным приемам?

Целесообразно этого можно достичь только оказывая помощь нуждающемуся *по месту жительства* и организацией сборов тоже по месту жительства дающих.

Одним из наилучших достижений Февральской революции было об'единение городского населения в *домовые комитеты*; люди до этого времени годами жившие бок-о-бок, не зная почти друг-друга и об'единенные лишь данью, платимой общему хозяину, вдруг пробудились к своего рода *территориальной общинной жизни;* домовые комитеты представляли из себя в сущности возрождение в городах духа сельской общины.

Заглохшие в последующие годы под давлением централистических стремлений государственной власти, превратившей их в даровые отделения милиции, домовые организации возродились за последнее время, по крайней мере в Москве, под видом *домовых товариществ.* Последние тоже проявляют стремление, подобно домовым комитетам, к об'единению в районные и общегородские союзы.

Вот именно при этих домовых товариществах, или рядом с ними, но по их же образцу, могли бы организоваться *добровольные кассы взаимной помощи,* как для периодических правильных и посильных сборов на помощь действительным обездоленным, так и для справедливого распределения собранных средств между ними.

В дальнейшем районные и городские об'единения дадут возможность сделать эту помощь более целесообразной и действительной, развитием целой сети воспитательных учреждений для безпризорных детей и особых производственных мастерских, приноровленных к трудоспособности увечных, инвалидов и стариков.

Лишь при развитии широкой общественной самодеятельности мы получим практическую возможность взять каждого заброшенного ребенка за руку и отвести в соответствующий приют, или дать надлежащий адрес встречному нищему, вместо унижающей, и берущего, и дающего, милостыни.

Нет сомнения, что деятельность на этом поприще не должна ни на минуту ослабить нашу борьбу с капиталом и государством*) против эксплуатации нас самих, ибо полное осуществление нашего идеала может быть достигнуто лишь тогда, когда нас перестанут обирать, когда мы будем настолько богаты. чтобы в нашей среде каждый обойденный природой и людьми нашел должную поддержку, заботу, любовь и ласку.

Вот одно из тех поприщ, на которое

*) Читатели сами поймут, что речь идет о государстве *буржуазном.* Прим. редак.

нам, анархистам, следовало бы перенести нашу «пропаганду действием», примером.

Самая неотразимая критика для государственности, это—сделать рядом и лучше то, за что она берется без толку.

МАТЕРИАЛЫ к изучению жизни и творчества П. А. КРОПОТКИНА.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ УЧИТЕЛЯ*).

Дорогой мой Александр,

Очень меня огорчило то, что я узнал о конфискации вашей типографии. Надеюсь, что здесь произошло какое-нибудь недоразумение, и что оно раз'яснится.

Быть не может, чтобы Советская Республика конфисковала у человека, не брезгающего ручным трудом, орудие труда, которым он и его сын добывают себе честное средство к жизни. И чтобы вы, после стольких лет мытарства за-границей, вернувшись в Россию, встретили такое отношение к своему труду!

Надеюсь, что тут действительно вышло недоразумение, и что вы скоро напишете мне, что вы снова за своей работой.

Крепко жму руку. Сердечный привет от обоих нас Е. Н. Обнимаю А.

П. Кропоткин.

Дмитров, *Моск. губ.*, 7 апреля 1920.

---

*) Печатаемое здесь письмо было написано Петром Алексеевичем в самый разгар национализации промышленности органами ВСНХ, когда они приступили в конце концов к отбиранию орудий труда у мелких артелей и ремесленников, не пользовавшихся даже наемным трудом. Очередь дошла и до небольшой типографии „Почин". Когда мы стали упрекать агента, явившегося опечатать типографию, в несправедливости мероприятия, исполнителем которого он является, то он ответил: „Что ваша типография, где все же работают взрослые мужчины! Вот мне пришлось запечатать типографию одной старушки, которая сама набирала, а подростки-внуки печатали ногой на американке". Даже в этом случае, в силу . . . . . партийной и служебной *дисциплины* он все-таки исполнил предписание.

Письмо П. А., с его разрешения, было представлено Президиуму Московского Совета при просьбе об освобождении типографии. К чести Президиума, оно оказало на него должное моральное воздействие: *в виде исключения* типография была возвращена несмотря на упорное противодействие агентов Полиграфического Отдела МСНХ, раздраженных нелюбезностью оказанного нами им приема.

НАЛОГИ И РЕВОЛЮЦИЯ.

„Борьба между стремлением государства брать больше и стремлением подданных давать меньше—проходит решительно через всю финансовую историю европейских народов с различными результатами". Этот исторический закон, открытый проф. И. Янжулом, так сказать, невзначай,—он напечатан в его „Основных началах финансовой науки" (3-е изд., стр. 208) мелким шрифтом, как нечто второстепенное, — имеет весьма важное значение для понимания тех обостренных периодов борьбы подданных с государством, которые называются *революциями.*

„Французская революция 1789 года,—свидетельствует тот же автор,—одной из важнейших причин своего возникновения имела непомерное отягощение народа различными поборами в пользу фиска".

Так как всякая более или менее значительная и длительная война вызывает истощение материальных средств государства и увеличение налогового бремени, то отсюда понятно почему за большими войнами столь часто следуют революции в странах, терпящих поражение и тем самым теряющих кредит, дающий возможность государству смягчать тяжесть налогов их рассрочкой на более или менее длительный промежуток времени.

Так было в России в 1905 году, то же самое повторилось в феврале и в октябре 1917 года.

Лучшее средство для предупреждения революции, или для ее подавления, это—открыть для пошатнувшегося правительства *достаточный* кредит.

С другой стороны, нет сомнения, что большинство политических свобод, которых добиваются революциями, направлены к тому, чтобы дать возможность подданным—устной и печатной критикой, агитацией, вольными об'единениями в общества и союзы,—лучше бороться с государством за уменьшение налогового бремени.

Можно даже безошибочно утверждать, что идеалом всякой народной революции является сокращение налогов до высшей степени, вплоть до их сведения на нет.

Исход революции, поэтому, нужно оценивать не по трескучим фразам политических деятелей, захватывающих власть, и не по многообещающим законам, а по степени действительного уменьшения налогов.

Великая Французская Революция велика не столько „декларацией прав человека и гражданина", сколько отменой самого чудовищного из налогов—соляной монополии и целого ряда других вопиющих поборов.

Революция, ставшая на путь увеличения налогов, клонится тем самым к вырождению.

* * *

Что представляют из себя налоги?

„Каждый общественный писатель подменивал своими личными фантазиями наблюдение явлений,—отвечает на этот вопрос Леруа Больe. — Налоги просто-напросто дань, то явная, то скрытая, которую общественная власть требует от жителей или с имущества, чтобы покрыть расходы правительства. Хороши ли эти расходы или плохи, правильно задуманы или нет, делаются ли они для пользы всех или для выгод небольшой кучки, эти различия могут иметь хозяйственные и общественные последствия, но они ничего не меняют в материальной сущности налога. Рассматривая, например, такое государство, как Турция, где почти вся выручка от налогов идет на уплату иностранным кредиторам и на содержание роскоши двора, скажут-ли, чтобы подданные Отоманской Империи не платили налоги, потому что они не пользуются, так сказать, суммами, которые правительство требует с них? Это оскорбило бы здравый смысл, или извратило бы французский язык, если не давать название налога всякой правильно взыскиваемой подати с жителей или с имущества для расходов правительства установленными в стране властями" (Traité de la science des finances, P., 1896, 5-me éd., p. 148).

После столь безпристрастной и до циничности откровенной оценки сущности налогов корифеем так называемой „финансовой науки", как мы далеки от определения, данного налогам Адамом Смитом, Рикардо и последующими экономистами будто „налоги, это доля расходов на общественные службы, требуемая с каждого гражданина",—определение, под которым с поразительной непоследовательностью подписывается и сам Леруа Больe (упом. соч. стр. 147).

Налоги взыскиваются, следовательно, для расходов правительства каково бы оно ни было. И, очевидно, эти расходы никогда не бывают ни хороши, ни правильно задуманы и не делаются для пользы всех, что подданные, с непреложностью природных законов, постоянно борятся за их уменьшение.

„Если бы мы имели время и возможность бросить взгляд на общую финансовую историю европейских стран, то увидели бы какие разнообразные злоупотребления, какие нарушения выгод различных классов народа, какие ошибки в экономической политике могут быть следствием неумелой или ошибочной организации налогов. Революции, войны, междоусобия за последние два столетия бывали очень часто вызваны ни чем иным, как непосильною тягостью и неравномерностью налогов; история представляет массу случаев, где под влиянием дурной налоговой системы одни государства быстро приходили к упадку своей промышленности и политической самостоятельности, как другие—массой акцизов тормозили развитие своей экономической жизни, как третьи—своей нерасчетливой политикой в духе крайнего фритредерства или, наоборот, слепого протекционизма разрушали туземную промышленность и подрывали народное благосостояние; словом, много бы пришлось потратить времени для того, чтобы дать хотя бы беглый очерк тех бедствий, которые были вызваны этим источником финансового хозяйства".

Такова безпристрастная оценка действительности; в этих выражениях обрисовывает историческую роль налогов,—этого, продолжающего все еще существовать главного источника государственных доходов,—не какой-либо „подрыватель государственных устоев", как анархист Кропоткин, а... профессор Императорского Московского Университета И. И. Янжул. (упом. соч., стр. 206).

Читая рядом с этими строками утверждение, что „налоги есть та доля, определенная законом, которую государство требует из имущества подданных для достижения высших целей своего существования" (там же, стр. 203), невольно возникает вопрос: действительно-ли государство имеет какие-то высшие цели?—когда течение истории изменилось и налоги перестали быть источником столь обильных бедствий, что у профессора Янжула не нашлось ни времени, ни возможности „дать хотя бы беглый очерк тех бедствий, которые были вызваны этим источником финансового хозяйства"?—достигались ли высшие цели при Петре I, когда государственные доходы „к концу его царствования, благодаря суровым мерам, употреблявшимся при сборе налогов и имевшим своим последствием бегство десятков тысяч душ за границу, едва достигали 10 миллионов рублей" (Янжул, там же, стр. 8), или при его преемниках, постепенно доведших сумму выколачиваемых из полунищего, темного и безответного крестьянства до миллиардов, служивших, по заветам „великого" душевно-больного преобразователя, для вящего обогащения кучки покровительствуемых промышленников и дворян, уже не говоря о пышной жизни императорского двора и сановных чиновников?—или высшие цели достигались в период продразверстки, когда все „излишки" у того же крестьянства так основательно отбирались

в государственный „общий котел", что у поволжских земледельцев, в частности даже у более высококультурных немецких колонистов, как это свидетельствует официальная пресса, „к окончанию продразверстки, которая дала за 1920-1921 г. 1.200.000 пуд. хлеба, большинство населения стало голодать"... „Уже с февраля месяца начались случаи голодной смерти, а к началу лета область насчитывала 299.000 голодающих из общего количества населения в 447.111 душ" [„Извест. В.Ц.И.К.", 7 окт. 21 г., № 224 (1367)]. . . . . *).

Историческое происхождение налогов лучше всего нам поясняет их современную несправедливую сущность. „Восточные монархии и позднее императорский Рим",—пишет по этому вопросу Кропоткин,—„налагали *принудительные работы* именно на *завоеванные народы*. Римский гражданин был освобожден от этой обязанности и перелагал ее на народы, подчиненные его владычеству. И вплоть до Великой Революции (а отчасти и до наших дней) предполагаемые потомки расы завоевателей (римской, германской, нормандской), то-есть, так называемые благородные дворяне были избавлены от налогов. Мужики, черная кость, завоеванные белою костью, фигурировали одни на месте тех, кто подлежит принудительному труду и обложению налогами" („Современная наука и Анархия", П. и М., 1921 г., стр. 211-212).

В современных демократических и советских государствах подати уже платят все, но в силу закона переложения налогов,—по которому „все производители и все владельцы собственности стараются перебросить на потребителей или на нанимателей налоги, которые их заставляют платить" (Леруа Болье),—прямые налоги в конечном счете ложатся всей своей тяжестью на малоимущую массу потребителей из простого народа, а косвенные даже прямо расчитаны на них.

Порядок взимания налогов изменился, но сущность их осталась та же.

„Вообще в разных странах облагали некоторые товары, почти везде одни и те же",—говорит Леруа Болье,—„просто напросто потому, что они потреблялись в очень большом количестве и притом их легко было настичь фиску: вот две причины, по которым были введены и сохранились налоги на некоторые продукты. Это особенно верно по отношению к соли, которую можно добывать только при определенных условиях, или на берегу моря, или в копях; это верно по отношению к сахару, который некогда производился вне пределов Европы; это также относится к табаку, который экзотического происхождения. К этим соображениям примешивают иногда другие, как вредное действие некоторых предметов потребления на здоровье или на общественную нравственность, например, табака и водки; законодатель в таком случае выставляет себя стражем гигиены и нравов. Но эти соображения имеют очень второстепенное значение, они выдвигаются после установления налога: законодатель ими пользуется, чтобы скрыть грубый факт, а именно, что эти продукты были обложены просто потому, что природа их производства давала фиску возможность легко их настичь" (упом. сочин., стр. 762-763).

„Косвенное обложение представляет почти единственное средство"—пишет тот же буржуазный автор с присущей ему откровенностью,—„извлекать сколько-нибудь значительные налоги у малоимущих и у рабочего люда" (там же, стр. 363).

Если обложенный косвенными налогами продукт „составляет предмет первой необходимости, то... как показывает статистика, бедные классы потребляют таких предметов больше, нежели классы богатые, отчего происходит обратная пропорциональность обложения", подтверждает и развивает тот же взгляд французского экономиста проф. Янжул (упом. соч., стр. 358).

А так как косвенные налоги вводятся именно на продукты широкого потребления, потому что только в этом случае они могут дать значительные доходы (что составляет цель всякого налогового обложения),—и если учесть факт, что доходы от косвенных налогов в разных странах обыкновенно в 2-3 раза превышают прямые налоги (в России они давали в 5 раз больше прямых), то станет ясным, что теперь, как и до Великой Французской Революции, вся тяжесть налогов в конечном счете ложится на бедный, живущий своим трудом люд, на черную кость.

После всего изложенного понятно почему „всякой системе мало-мальски значительных налогов", по признанию того же буржуазного экономиста Леруа Болье, „присуща неустранимая доля неравенства, произвола, притеснений" (упом. соч., стр. 302).

Мало того. Произвол, притеснения и неравенство составляют самую сущность налогов. Те, кто усматривают „высшие цели" существования государства в содержании общественных служб и этим обосновывают ее право взыскивать налоги, следовало бы обратить внимание на то явле-

*) Читатели сами поймут, что ссылаясь на этот факт, мы не имеем в виду дискредитировать советскую власть, которая с достойной похвалы откровенностью признает в официальном органе недочеты системы.

ние, что *действительно полезные общественные службы не только не содержатся за счет государства, но сами являются источником доходов для него.* Таковы, например, почта, телеграф, железные дороги, выпуск денег; даже средняя и высшая школы во Франции приносят государству доход.

Если правительства все свои доходы из разных источников сливают в общее казначейство и затем составляют роспись расходов (при чем на действительно общеполезные нужды, как народное просвещение, выделяют сравнительно ничтожную долю из общей суммы), то это делается единственно с целю скрыть от плательщиков налогов, под предлогом общественных служб, ... расходы в пользу частных, партийных и классовых интересов.

Общественные службы не были созданы государством, чтобы в них видеть „высшие цели" его существования. Государство лишь завладело ими из корыстных видов или для укрепления своего могущества, при чем более или менее извращало их начальные задачи и мешало их свободному развитию.

Зарождение общественных служб не только предшествовало государству, но восходит к возникновению общительности вообще. Зачаточные виды удовлетворения общих потребностей совместными усилиями, т. е. общественных служб, наблюдается во множестве в животном мире.

Об'единения их для самообороны, для добывания пищи, для игр, для забот о потомстве общеизвестны и до безконечности разнообразны; караваны четвероногих и птиц для переселений и перелетов организовывались задолго до наших железнодорожных поездов.

Типичный пример удовлетворения общих потребностей совместными усилиями приводит Кропоткин из жизни пеликанов; „эти неуклюжие птицы проявляют замечательную организацию и смышленность. Они всегда отправляются на рыбную ловлю большими стаями и, выбрав подходящую губу, составляют широкий полукруг, лицом к берегу; мало-по-малу полукруг этот стягивается, по мере того, как птицы подгребаются к берегу, и, благодаря этому маневру, вся рыба, попавшая в полукруг, вылавливается. На узких реках и на каналах пеликаны даже разделяются на две партии, из которых каждая составляет свой полукруг, и обе плывут навстречу друг к другу, совершенно так же, как если бы две партии людей шли навстречу друг к другу с двумя длинными неводами, чтобы захватить рыбу, попавшую между неводов. С наступлением ночи пеликаны улетают на свое обычное место отдыха—всегда одно и тоже для каждой отдельной стаи—и никто никогда не видал, чтобы между ними происходили драки из-за того или другого места рыбной ловли, или места отдыха. В южной Америке пеликаны собираются стаями до 40.000 и до 50.000 птиц, часть которых наслаждается сном, в то время как другие стоят на страже, а часть отправляется на рыбную ловлю" („Взаимн. помощь", М., 1918, стр. 27-28).

Тут мы видим пример организации трех общественных служб: общественного питания, соблюдения общественного порядка и охраны общественной безопасности. Подобные наблюдения над зарождением общественных служб и общественного порядка у животных можно было бы умножить до безконечности. Они доказывают, что подобно тому, как „общество *не было* создано человеком; оно предшествовало человеку" (Кропоткин, упом. соч., стр. 49), так и общественные службы не были созданы государством, они предшествовали ему.

То, что является отличительной чертой об'единения личных усилий для создания общественных служб при зарождении последних у животных, это—*добровольный и целевой характер.* Животные не неволят друг друга к участию в общей самообороне, к добыванию пропитания совместными усилиями, к общим играм и совместному воспитанию потомства, к передвижению стаями или стадами. Те же свойства присущи общественным службам в человеческих обществах до утверждения в них государственного начала.

Налоги, или вернее взносы на общеполезные нужды, в начале носили добровольный и целевой характер и *испрашивались королем у сословий;* „...они всегда имели назначение для известной, определенной цели и утверждались на короткий срок" (Янжул). О „суверенности" современной государственной власти не было и помину. Сословия, т. е. организованные в профессиональные союзы классы, могли отказаться от предлагаемых услуг военного цеха с королем или князем во главе, и не платить испрашиваемых средств. Тогда не существовало еще безраздельного господства военного цеха над всеми остальными сословиями, переродившееся с течением времени в то, что называется теперь *государственной властью.* Современное государство претендует облагодетельствовать плательщиков налогов помимо их воли, иначе нельзя об'яснить ни принудительность налогов, ни ту упорную *борьбу между стремлением государства брать больше и стремлением подданных давать меньше,* истори-

ческую закономерность которой выявил Янжул.

Если „налоги, это доля расходов на общественные службы, требуемая с каждого гражданина", то из этого логически следует, что все общественные службы должны быть одинаково доступны для всех и стать бесплатными. Ведь нельзя же вторично требовать плату за то, что уже раз оплачено.

Этот строго последовательный, но утопичный по своей оторванности от действительности, вывод сделала Октябрьская революция, начав проводить в жизнь бесплатность почты, телеграфа, железных дорог, трамваев, жилищ, освещения, отопления, одежды, вплоть до питания. Государственный коммунизм, это—доведенное до своих конечных выводов начало монопольного права государственной власти на общественные службы,—право, признаваемое за ней решительно всеми политическими партиями. Несправедливо, поэтому, умалять значение после-октябрьских коммунистических мероприятий, приписывая их происхождение исключительно военной обстановке, как это теперь делают многие официальные публицисты. Над Октябрьской революцией парил возвышенный идеал государственного коммунизма,—идеал, лелеянный долгими годами социал-демократической пропаганды. Если государственно-социалистические иллюзии разбились о действительность, то нужно иметь мужество признаться в этом. Весь грех правящей партии заключается в том, что она уверовала в „высшие цели существования государства" и попыталась претворить это в жизнь.

Между бесплатностью общественных служб для всех и всеобщей трудовой повинностью и продразверсткой была тесная и неразрывная связь. „Если все граждане одинаково пользуются выгодами общежития, то справедливость требует, чтобы и лишения, жертвы, которые они приносят государству, распределялись между ними равномерно". Именно это справедливое положение, проповедываемое даже не социалистом проф. Янжулом (упом. соч., стр. 214) Октябрьская революция пыталась провести в жизнь.

Прежде всего, подобно Великой Французской Революции, она упразднила *все косвенные налоги*, как самые несправедливые, так как они, как мы видели выше, обратно пропорциональны достатку плательщика. Затем Октябрьская революция провела в жизнь самую справедливую систему обложения, признаваемую всеми передовыми экономистами — прогрессивно-подоходный налог, доведя его до предельных размеров, до отбирания всех „излишков". Ибо, „из двух вещей одно: или прогрессивный налог должен настолько быстро увеличиваться, чтобы поглотить весь мало-мальски значительный доход; или же он должен увеличиваться, медленно, и в таком случае это —налоговая игрушка, своего рода ванька-встанька, которым, по выражению Прудона, забавляют народ", говорит Леруа Болье (упом. соч. стр. 183). Октябрьская революция не захотела забавлять народ и провела налоговую разверстку вплоть до отбирания мало-мальски значительных доходов.

„Проведя начало прогрессии до конца, мы, конечно, дойдем до отрицания труда и собственности",—пишет проф. Янжул, сам сторонник этой налоговой системы,—„до отрицания, имевшего место в учениях социалистов и республиканцев первой французской революции. Так в эпоху террора в 1795 г. Робеспьер, незадолго перед своим падением, издал закон, по которому доход в 1.000 фр. составлял минимум, свободный от обложения, доходы до 10 000 фр. подлежали прогрессивной подати, сверх же 10.000 фр. весь излишек конфисковался в пользу государства" (Упом. соч., стр. 220).

Таким образом, система отбирания „излишков" находит свое теоретическое обоснование у экономистов, признающих государственное начало, она имела прецедент в Великой Французской Революции и является логическим выводом из теории государственных налогов. *Это—самая справедливая система налогов.* Если же на деле теория оказалась . . . . . насилием, то в этом нужно винить не людей, искренно стремившихся из центра провести ее в жизнь, а самую сущность принудительных налогов.

При *старой* экономической политике большевизм был enfant terrible, дитей-проказником государственной идеологии, и не буржуазным политикам сетовать на людей, осуществлявших идеал государственности.

Потерпев крушение на попытках организовать общественные службы на самых справедливых началах,—т. е. бесплатности и общедоступности,—и провести в жизнь самую справедливую систему налогов—полную отмену косвенных обложений и строгое проведение прогрессивно-подоходного налога,—Октябрьская революция повернула свой ход на проторенный путь современной, исторически сложившейся государственности.

Современные же государства, пишет Леруа Болье, „калеки, которые могут двигаться лишь на двух костылях: на прямых и косвенных налогах" (упом. соч., стр. 364). Наше социалистическое государство подобрало эти два костыля, один из которых оно

так неосторожно отшвырнуло от себя, и поплелось по извилистому пути эволюции.

Это-то и называется *новой экономической политикой.*

Чтобы стать на *прямой путь* революционного развития, нужно следовательно отбросить все прямые и косвенные налоги, с присущей им „неустранимой долей неравенства, притеснений и произвола" и перейти к добровольной, *кооперативной* организации общественных служб. Но тогда государство, потеряв всякий предлог для своего существования, должно будет исчезнуть. А „пока государство, вооруженное налогами, будет существовать, освобождение пролетариата не сможет совершиться никаким образом—ни путем реформ, ни путем революции. Потому что, если революция не раздавит это чудище, то она сама будет им задушена, и в таком случае она сама очутится на службе у монополии, как это случилось с революцией 1793 года" (П. Кропоткин, „Современная наука и Анархия") *].

В ЗАЩИТУ АНАРХИИ.

(Из переписки Элизе Реклю**).

Г-ну Жоржу Ренару,
профессору Лозанской Академии.

Кларан, 2 июня 1888 г.

Милостивый Государь,

Вы имели любезность прислать мне ваши *Этюды о современной Франции*, я же со своей стороны, вследствие несчастного случая, проявил неучтивость и неблагодарность, не прочитав книгу тотчас по получении. Прошу вас извинить меня, и извинить вдвойне, так как я позволю себе отнять две минуты времени, чтобы представить вам несколько возражений. Естественно я ограничусь тем этюдом, который прочел в первую очередь, привлеченный заглавием: достаточно, что в нем разбираются взгляды, которые дороги мне и составляют смысл моего существования, и без которых я не смог бы выдержать жизненной борьбы.

Ваш *Очерк социализма* очаровывает меня ясностью и искренностью изложения. Мы не избалованы произведениями столь высокого достоинства. Общераспространенные сочинения по этому предмету большею частью представляют из себя собрание всякой брани и пустословия, или же свидетельствуют о чудовищном незнании авторами фактов. Ваши же суждения, напротив, всегда проникнуты справедливыми намерениями, всегда благородны в мыслях и в изложении, всегда основываются на добросовестном рассмотрении явлений. Подобное безпристрастие, проявленное в среде, проникнутой ненавистью, доказывает, что в глубине души вы сочувствуете тем, кто возмущается нынешними порядками: „Кто не против нас, тот с нами".

Если бы не нужно было быть кратким, я бы решился сделать вам несколько возражений относительно различных частей вашей книги, касающихся других социалистических школ кроме анархической; но из опасения прислать вам целое послание, я ограничусь защитой моего анархического дела.

Прежде всего я оспариваю правильность одного замечания, брошенного вами „мимоходом"; я его оспариваю, потому что вы из него делаете вывод, который, будь он верен, был бы весьма важен. Вы говорите, что „анархическое учение нашло себе последователей в странах наименее и наиболее свободных; оно нашло себе почву с одной стороны в России, с другой—в Англии и в Швейцарии; в одной стране оно явилось естественным противодействием избытку власти; в других—столь же естественным развитием свободных порядков".

Имея возможность, так сказать, ежедневно вести список наших товарищей и групп, более или менее приближающихся к нашим взглядам, я могу с полным основанием вас уверить, что вы ошибаетесь.

Имена Бакунина и Кропоткина вас ввели в заблуждение насчет России; но эти две личности, более чем наполовину западно-европейские по своему образованию, совершенно одиноки в русском движении. Бакунин, глашатай гегелианцев Московского Университета, диктатор в Дрездене во время восстания, стал анархистом только в Париже, и он сгруппировал вокруг себя анархистов опять таки заграницей после своего побега из Сибири. В их среде находились несколько русских, очарованных его могучим красноречием, гениальностью его мыслей и, как соотечественники и товарищи по изгнанию, естественно склонных сблизиться со столь замечательным человеком; но после смерти Бакунина *ни один* из его русских последователей не остался с нами. Что касается Кропоткина, то он тоже стал анархистом заграницей, и человек, слово которого оказало на него решающее влияние, живет сейчас в Париже. Но среди русских Кропоткин остался одиноким; он

---

*) Нужно надеяться, что русская революция учтет в конце концов это предупреждение нашего учителя.

**) Настоящее письмо появляется впервые в русском переводе. Мы его заимствуем из II тома „Переписки" Элизе Реклю, изданного в Париже на французском языке в 1911 году книжным магазином Бр. Шлейхер (стр. 439-445).

проживает в Лондоне, где все русские дружны с ним, но среди них нет *ни одного,* кто бы полностью разделял его взгляды. Все более или менее конституционалисты, все еще проникнуты иллюзиями насчет государства, все издали следуют за движением, которое влечет русскую молодежь на революционные пути ведущие к парламентскому идеалу.

Исторически, следовательно, анархия не есть „естественное противодействие избытку власти". Раб, взбунтовавшийся против ударов кнута, не научается свободе порывом мести; школьник, об'явивший себя атеистом или записавшийся в фран-массоны, тем не менее несет унижающую печать буржуазного воспитания; дерево, которое сразу выпрямляется, будучи долгое время согнутым, остается некрасивым и искривленным. Анархисты наиболее многочисленны именно в странах, где мыслящие люди давным давно освободились от религиозных и монархических предразсудков, где предшествовавшие революции поколебали веру в установленные порядки, где существование общинных вольностей лучше всего научило людей обходиться без господина, где безкорыстные исследования выдвигают независимых мыслителей. Там, где встречаются эти разнообразные условия, там нарождаются анархисты. Анархия находит наибольшее числе приверженцев прежде всего во Франции, затем в Каталонии, в северной Италии, в Лондоне, у немцев Соединенных Штатов, в американских республиках испанского происхождения, в Австралии. Раса тут нипричем, вся суть в воспитании.

Я мог бы вам сослаться на небольшой город, в котором анархисты составляют,—относительно, конечно,—самую значительную и дельную часть жителей. Название не имеет никакого значения в данном вопросе и я его не приведу, так как завтра хозяйственные условия могут переместить преобладание в другой город. Важно только установить причину этого явления. Дело в том, что в городе, о котором идет речь, живут несколько развитых и любознательных рабочих, которые были осуждены, как революционеры, к заключению в тюрьму и провели в ней несколько лет. Вернувшись к обычной жизни, после того как посвятили свое время в заключении самообразованию и серьезным спорам, эти рабочие удачно нашли достаточно хорошо оплачиваемую работу, которая одновременно им обезпечивала как насущный хлеб, так и необходимый досуг для умственного труда. Промышленность процветала в этом городе: кроме того, она налажена так, что рабочий остается хозяином обстановки своей работы: одуряющая фабрика со своей суровой дисциплиной и своим возмутительным разделением труда, еще не закабалила его. Таким образом оказались на лицо все благоприятные условия, чтобы придать большой вес этому кружку друзей: ум, знания, правильное чередование труда и досуга, личная свобода. Результаты получились чудесные. Нельзя видет и слушать этих пророков, не проникнувшись сознанием, что ими подготовляется новый мир, согласованный с новым идеалом!

Возлагая все надежды на воспитание, мы не можем „бояться реформ", как это вы утверждаете (стр. 194). Только мы не хотим быть обманутыми словами и стараемся вникнуть в сущность вещей. Недостаточно, чтобы нам расхваливали реформы, чтобы мы уверовали в них. Когда начинают, например, превозносить всеобщую подачу голосов, как честное выражение воли равных,—богатых и бедных, защитника и истца,—мы пожимаем плечами; мы знаем, что это мнимое равенство—обман, что голосование низов только заранее освящает несправедливости, чинимые сверху. Следовательно, это—не реформа. В этом ханженстве мы признаем, самое большее, что оно является „воздаянием почести добродетели", и мы предпочитаем жить в стране с представительным правительством, чем в империи, где властелин царствует кнутом или исключительно божьей милостью; мы это предпочитаем не потому, конечно, что всеобщая подача голосов,—эта мнимая реформа,— нам более подходит, а потому что она сопровождается, *благодаря предшествовавшим революциям*, таким уровнем умственного и общественного развития, который уже отчасти соответствует науке и свободе.

Как бы высок ни был наш идеал, но он все же мало что значит по сравнению с возможностями прогресса; с нашей стороны было бы обманом ограничиваться, под предлогом практичности, нашим представлением справедливого общества и топтаться на месте, чтобы добиваться лживых реформ, чуточку приправленных справедливостью. За время нашей мимолетной жизни нам следует честно, просто высказать нашу мысль и всеми нашими силами содействовать осуществлению того, что мы признаем за правду. Без сомнения, история с очевидностью доказывает, что наша революция, какой бы решительной и честной мы не захотели ее сделать, будет только маленькой эволюцией и завершится временно реформами, так как механический закон равнодействующей нескольких сил верен также для истории; но мы приложим по

крайней мере все усилия, чтобы равнодействующая приблизилась возможно больше к прямой линии. Человечество, только благодаря об'единению всех сил сопротивления, двигается окольными путями вместо того, чтобы идти прямо вперед. Video meliora, deteriora sequntur. (Видим хорошее, творим плохое. *Перев.*). Но чем лучше мы будем видеть, тем менее будет отставать хромая толпа, следующая за нами.

А затем я вас спрашиваю, почему вы не решаете сами вопрос: верно ли,—да или нет,—(стр. 192), что во всем организме клеточка повинуется своим влечениям? Вам незачем противопоставлять естествоиспытателя естествоиспытателю, чтобы составить себе мнение*). К каким бы софизмам люди не прибегали, чтобы оправдать неравенство, которым они пользуются, по существу все они согласны между собой, так как обыкновенно каждый признает нравственным свою выгоду. Такие профессора, как Геккель, который состоит „телохранителем Гогенцолернов", или другой профессор, желающий подчинить людей господству ученых, как Гексли (Huxley), могут сколько хотят противопоставлять голову животу, нервный ток лимфе; они все же вынуждены признать также и то, что клеточка, подобно человеку в обществе, безпрестанно об'единяется и раз'единяется, безконечно вращается в потоке жизни, поочередно становясь пищей, кровью, мышцей и мыслью. Нет более мозговых клеточек, как нет королей божьей милостью; нет более брюшных клеточек, как нет народов, по причте Менениуса Агриппы, предназначенных к труду и молчанию. Что бы вы не сделали, вы всегда поступите как свободно вращающаяся клеточка, вы будете обращаться к самому себе, чтобы чувствовать и мыслить. Когда вы не признаете чужих мыслей прежде чем не усвоили их сами, обходясь без повелителя, вы проявляете себя настоящим анархистом. Предоставьте другим тоже быть ими. По существу, анархия только совершенная терпимость, полное признание чужой свободы. И если человечество может отделаться от всех своих воспитателей, священников, академиков, политехников и королей, если оно не погибнет, как нераспустившийся цветок, его расцветом будет Анархия между Братьями.

Приветствую вас с почтением.
Элизе Реклю.

*) В своей книге Ренар привел против анархического учения мнение Геккеля, по которому, по мере того, как подниматься по лестнице живых существ, наблюдается все увеличивающееся обособление органов и их взаимная зависимость друг от друга. В пользу же анархического учения он привел мнение Де Ланессана, по которому самодеятельность и солидарность составили бы основу общества, которое было бы построено по образцу живых существ. Затем Ренар добавил от себя: „Пусть кто-нибудь другой решит, дает ли наука право доводить до тех крайних пределов фанатизм свободы, до которой они ее доводят".

Прим. издат. переписки.

ПЛОДЫ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ.

Никто, даже самый непримиримый противник государственности, не станет сомневаться, что советской властью руководит, по крайней мере в центре, искренное и безкорыстное стремление принести пользу трудящимся массам. Если на деле получаются противоположные результаты, то в этом нужно винить не столько людей или политические партии, сколько самую сущность централизованной государственности.

Факты подтверждают сказанное красноречивее всякого многословия. Вот соответствующая выдержка из „Отчета Екатеринбургского Губернского Экономсовещания" № 3 (октябрь 1921—март 1922), озаглавленная в оригинале „Продналоговая кампания и волокита" (стр. 103):

„В работе продорганов необходимо отметить большое несоответствие данных наркомпродом разрядов неурожайности с действительным урожаем по нашей губернии в минувшую продналоговую кампанию. Обстоятельство это вызвало длительную телеграфную переписку губпродкома с наркомпродом, в результате чего контрольная цифра подверглась неоднократным изменениям и, в конце концов, была окончательно установлена лишь после долгих препирательств и взаимных уступок с той и другой стороны.

„Контрольная цифра пашни в 1.718.000 десятин, принятая в результате настояния наркомпрода, до сих пор остается спорной, но зато бесспорным фактом явилось то, что экономическое положение губернии, выполнившей свыше 100% продналога, при наличии 800 тысяч засеянной площади и 1.718.000 десятин облагаемой земли, оказалось в сильной степени подорванным, и ко времени составления отчета мы имеем три уезда подлинно голодающих и два частично голодающих. Бесчисленное множество комиссий, обследовавших пострадавшие от неурожая уезды губернии и ездивших в центр с материалами об угрожающем экономическом положении, никакого положительного результата не дали, ибо пострадавшие от голода уезды до сих пор голодающими официально не признаны. Только в апреле месяце местным организациям удалось привлечь АРА к кормлению этих

уездов. Помощь явившаяся с большим опозданием, в данный момент будет носить лишь филантропический характер и ни в какой мере не сможет восстановить уже разрушенные хозяйства. Далее следует отметить одну несуразность в работе продорганов, заключающуюся в том, что, например, по нашей губернии срок для сдачи определенного процента хлеба по продналогу был установлен, вопреки климатическим условиям, несколько ранее времени созревания хлеба, результатом чего явилось начисление пени на „неаккуратных плательщиков" и сдача сырого хлеба".

„ИСПОВЕДЬ" БАКУНИНА

ЦАРЮ НИКОЛАЮ I. (1851 Г.).

Передо мной лежит полный русский текст т. наз. „Исповеди" Бакунина царю Николаю I, изд. В. Полонским для „Исторического Архива" в Государственной типографии, Москва, 1921 г., 92 страницы. Эта книга, насколько мне известно, не переводилась и вывоз ея из России для анархиста и с целью беспристрастного исторического изучения кажется трудным, если не невозможным. Необходим полный перевод и, насколько я знаю, готовится немецкое издание. Наряду с этим была бы полезна исчерпывающая сводка и перевод обрывков, что я и начинаю делать в журналах некоторых стран. Я очень сожалею, что подробное обсуждение длинного текста, основанного на исторической и документальной очевидности, заглохнет в ограниченном кругу читателей „Freedom"-а и истощит их терпение, как не специалистов по истории революции и анархизма. И если в том, что я скажу ниже, я могу показаться некоторым безапелляционным, то это не от самонадеянности и пренебрежения к доказательствам, а от вышеуказанных причин, мешающих подробному историческому разбору предмета этой статьи.

Я с удовольствием отмечаю, что очень немногое в „Исповеди" поразило или удивило меня, и что мне нечего вычеркнуть из моей защиты в „Humanità Nova" (написанной в октябре 1921 г.) и в „Freedom" (декабрь 1921 г.). Эти статьи разбивали клеветы, взведенные на Бакунина статьей в берлинском „Форуме" экс-анархиста Кибальчича и другими статьями, порожденными предидущей. С тех пор было напечатано („Bulletin Communiste", 22 декабря 1921 г.) во первых, что Кибальчич написал свою статью в ноябре 1920 года, не зная „Исповеди", основываясь лишь на выводах и устных доводах,—во вторых, что перевод „Форума" дает искаженный текст—все это выражения друга Кибальчича, коммуниста Бориса Суварина,—и что этот замечательный текст появился даже без ведома Кибальчича, который, месяцев шесть спустя, когда ему дали почувствовать презрение, вызванное его статьей, напечатал правильный текст в „Bulletin Communiste" 22-го декабря. На этих небрежных и неряшливых произведениях преследователи Бакунина основывали свою травлю, простиравшуюся от итальянских журналов до нью-иоркского „Call" и переползавшую из одного коммунистического журнала в другой. Но вернемся к предмету, к полному подлинному тексту, в тщательном издании, с отметками на полях императора Николая I, для рассмотрения которого была сделана специальная копия „Исповеди".

Когда после шести суток проведенных в революционной буре почти без сна, в продолжении которых он один сохранял ясное сознание и настаивал на борьбе до горького конца, Бакунин был арестован, его собственная судьбе была ему безразлична и он ожидал быстрого решения суда. Длинный процесс тогда окончился смертным приговором, замененным пожизненным заключением. Затем все дело возобновилось вторично, на этот раз в ужасных австрийских подземельях. Переправа в Россию, казалось, означала падение еще ниже и всякая надежда была потеряна. И тут случилось неожиданное: в России, с первого момента, с ним обращаются очень прилично, как с знатным государственным преступником и тогда император потребовал его „Исповедь".

Подобный поступок был самый великодушный, какой мог исходить от этого гордого тирана; с восставшим подданным он говорил не языком, основанном на монарших или судебных прерогативах, а на притворном равенстве перед „Богом" и личном доверии и благоволении, словом, на том, что характеризует отношения между исповедником и кающимся грешником.

Мы видим из документа, что Бакунин не отверг этого единственного шанса изложить свое дело перед Николаем, который, как ему (Бакунину) было известно, был предубежден против него не только за его несомненные революционные выступления, но и многими наветами и ложью. Один из молодых русских товарищей Бакунина (А. Росс) двадцать лет спустя вспоминает, что Бакунин говорил ему, как под влиянием так сложившихся обстоятельств надежда и желание жить и снова стать свободным овладели им и заставили его с этой минуты подготовлять свое освобождение; исключительно этому стремлению и подчинялся

текст „Исповеди" и все его поведение в течение десяти долгих лет. Это вытекает из лежащего перед нами документа. Но ясно также из того-же источника, что Бакунин решил выиграть свободу достойными средствами. Он мог получить ее в любое время полной выдачей, о чем он никогда не мыслил. Он намеревался провести тирана—хозяина своей судьбы—более тонким способом, умалив свое собственное значение; и в то же время беря на себя полную ответственность за то что он сделал и когда-либо намеревался сделать. Я удивляюсь, как не видел этого Николай, ибо Бакунин говорит ему именно то, что хочет сказать, часто очень смело и тонкий налет постоянно допускаемой личной преступности, греха, безумия, раскаяния не должны бы никого обмануть. Не должен также шокировать покорный тон некоторых мест письма, ибо известно, что царь и не посмотрел бы на документ, где бы отсутствовала такая форма. С другой стороны, Бакунин иногда шутит и выставляет в глупом виде царя, например, когда он дает очень интимное описание некоторых известных революционеров, и затем говорит: „Я не говорил бы Вам, Царь, обо всем этом, не называл бы имен этих лиц, если бы не знал, что все они в безопасности в Америке". В общем он хотел провести царя видимой искренностью, говоря правду, но далеко не всю правду, и проиграл ставку, так как характер Николая оказался мельче, чем он ожидал, именно, в следующем: Бакунин подчеркнул в начале „Исповеди", что он принимает гуманное предложение царя и скажет правду, но только в том, что касается его лично. Он не нарушит оказанного ему доверия, не будет предателем по отношению к своим друзьям; из полного крушения он вынес в целости только свою честь и предпочтет быть в глазах царя величайшим преступником, чем низким негодяем.

Николай I, однако, оказался не джентельменом, и написал: „Этим уже он уничтожает всякое доверие. Если он чувствует всю тяжесть своих грехов, то исповедью может считаться лишь *абсолютное, полное* признание, но не *условное*". Другими словами, он думал найти кающегося предателя и был разочарован. Вероятно уже по прочтении 2-ой страницы он решил предоставить Бакунина его судьбе, безсрочному одиночному заключению, что и сделал. Хорошо ли упрекать Бакунина в том, что он не предвидел абсолютного ничтожества царя и не воздержался от письма к нему? Я думаю, что он был волен делать то, что он считал лучшим, и что только „unctuous righteousness" найдет его поступок неправильным.

В зависимости от этого в содержании „Исповеди" не все одинаково ценно в смысле историческом и биографическом. Местами Бакунин дает живое и смелое описание, как например, когда говорит о первых неделях заграничного революционного энтузиазма после февральской Парижской революции 1848 г., или когда останавливается на отчете о русском нестроении, чиновничьем воровстве—неизбежных при подавляемом общественном мнении. Он тщательно анализирует свой собственный ум и подробно развертывает революционные планы—русской революции и славянского восстания, начавшегося серьезной революцией в Богемии (1849). Ему доставляет удовольствие вновь разрабатывать эти схемы, существовавшие только в его голове, и в взвешивании их шансов. Временами он вспоминает свое настоящее положение и бросает царю несколько слов о грехах, неразумности и прочее, являющимися только подыгрыванием, для поддержания видимости „исповеди". Но тем, кто знает биографический материал, ясно, с другой стороны, как много вещей он молчаливо обходит, или умаляет в значении, чтобы показать их царю в несовершенном виде; короче—он принимает все меры к тому, как мне ясно, чтобы не повредить ни лицам, ни идеям. Он ходатайствует за тех, кто в тюрьме и берет на себя большую часть их вины; он говорит свободно о тех, кто за пределами досягаемости для правительств материка; действительно, его собственное описание „Исповеди" в письме к Герцену (1860) как произведения в роде Warheit und Dichtung (согласно Гетевскому заглавию своей биографии—*Истина и Вымысел*) вполне справедливо.

Те, для кого, как и для нас всех, за исключением товарищей, находящихся сейчас в России, полный текст был недоступен, упирают на тот факт, что Бакунин в 1851 г. не был об'явленным анархистом и склонны приписать то, что нам кажется в документе странным, чтобы не сказать отвратительным—его неразвитости в тот период в смысле социализма и анархизма. По моему это ошибка. Из документов, его собственных писем начиная с 19-тилетнего возраста, мы знаем, что он всегда стремился к самому лучшему, к высшей ступени совершенствования как для себя, так и для всех окружающих, любимых им людей, для всего человечества. Слова „Абсолютная свобода и абсолютная любовь—вот наша цель; эмансипация человечества и всего мира—вот наша задача"—эти слова были

написаны им в возрасте 21-го года (10 августа 1836 г.); неважно, что воспитанием и окружающим он был наведен на искание способов осуществить эти стремления сперва в религии, затем в высшей философии, и что он научился Радикализму и Социализму лишь в 1842 г., вернее, что не ранее 1842 г. окончательно была потрясена его глубокая вера в правильность философии. С этого времени до 1848 г. он имел полную возможность изучать все передовые идеи в Германии, Швейцарии, Бельгии и Франции. Он был в тесном интеллектуальном контакте, часто в близких дружеских отношениях с лучшими из представителей Социализма и Рационализма на материке, как Руге, Herwegh, Вейтлинг, Маркс, Луи Блан, Консидеран, Ламменэ, Прудон и многие другие. Следовательно, очевидно он знал все ходы, выходы и крайние границы, которых социализм и анархизм тогда достигли, может быть лучше, чем кто либо в то время. Единственно чего он не сделал, это не принял определенной стороны, руководящей партии или лица; он не был ни марксистом, ни прудонистом; всякое одностороннее развитие казалось ему несовершенным. По моему мнению он искал синтеза „абсолютной свободы и абсолютной любви" (1836), который могут дать об'единенный анархизм и социализм и который был руководящей идеей его коллективистического анархизма „sixties", как и современного анархизма. Он слишком долго был слепым поклонником *одной* группы идей—идей Фихте, Гегеля, и он не повторял этой ошибки после 1848 г., но с этого времени решал сам для себя и выбирал лучшее. Итак поверить, что в 1851 г. он был неразвит или безразличен в этом отношении значило бы ошибиться.

Что было в то время неразвито более всего—это социалистическая тактика, потому что сами рабочие не двигались; чартистское движение не имело отклика на материке; все ограничивалось несколькими пропагандистскими группами и конспиративными центрами. Этим об'ясняется, почему свободно обсуждалась тогда идея диктаторства, имевшая в виду прежде всего доброжелательное воспитание, как противоположность реакционной косности и парламентарной безплодности, так как сами рабочие не двигались. Следовательно Бакунин не был убежденным сторонником власти (authoritarian), так как он употребил бы это как средство за недостатком других; точно также это начальное положение вещей в самом младенчестве движения не может быть аргументом в наши времена, а те, кто употребляют его, как аргумент, допускают, что по их мнению рабочие, как в 1922, так и в 1848 г.—дети, нуждающиеся в помочах. Но тогда пусть они открыто признаются в этом.

Есть другая причина некрасивых мест „Исповеди"—это национализм, черствый, грубый национализм. Это заставило Бакунина в 1848 году забыть западную демократию и погрузиться с головой в схемы славянской федерации, требующей войн. Он начал с того, что перенес в эти схемы свои идеи свободы и социальной солидарности, но его идеалистический национализм был бессилен против практического национализма. Отсюда, вразрез конечно со своими собственными идеями, так сильно высказываемыми им раньше, одиночество и националистическая злоба и отчаяние за бездействие самих славян заставили его написать воззвание к царю Николаю I, с раскаянием в прошлых грехах, с просьбой о прощении и с мольбой к царю о защите всех притесняемых славян, о том, чтобы он стал их спасителем и отцом и поднял бы славянское знамя на западе Европы к смущению германцев и всех других угнетателей славян. Он не кончил этого письма и сжег его (июнь-июль 1848 г.). Это показывает куда логически ведет национализм даже лучших людей; он привел Бакунина, по крайней мере по духу и намерениям, в об'ятия Николая I; он привел других в 1914 г. в об'ятия Николая II; и если будет какой-нибудь Николай III, другие, одержимые этим демоном национализма, попадут и в его об'ятия*). Не стану больше говорить на эту тему; я чувствую, что бакунинская „Исповедь"—самый могучий предостерегающий вопль против национализма, который когда-либо раздавался. Он не был свободен от этой националистической крайности, заглушающей его лучшие чувства до 1864 г., когда в нем возбудило надежду *международное рабочее движение*, которое тогда началось.

„Исповедь" осталась без ответа, хотя она затронула националистические чувства царя, и она означает, повторяю, не недостаток, не предательство Бакунина, а есть логический вывод националистического мировоззрения. Другие ходатайствовали таким образом перед Наполеоном III, Бисмарком, или „человеком на улице" в Лондоне. Это совершенно аналогично; национализм сильных осуществляется тотчас же как импе-

*) Нужно пожалеть, что в данном случае тов. Неттлау сравнивает несравнимые явления и по отношению к своим современникам сам нарушает правило, рекомендуемое им ниже по отношению к Бакунину—„быть справедливым и рассуждать на основании серьезных исторических данных".
Ред.

риализм, национализм малых и слабых передается сильнейшему как дополнение и поддерживается им как орудие, если это выгодно для сильнейшего.

Бакунин в конце „Исповеди" усиленно восставал против мук одиночного заключения, которому он подвергался уже два года, и просил другого наказания, как бы оно ни было строго. Этот на редкость общественный человек, который всегда жил в широких и дружеских кругах, должен был просидеть в одиночной тюрьме пять с половиной долгих лет, пока его здоровье не разрушилось и он был на границе самоубийства. Тогда его старуха мать просила за него царя Александра II: ей было отказано, но князь Горчаков намекнул ей, что царь снизойдет к личной просьбе, написанной самим Бакуниным. Итак каприз царя ставил перед заключенным альтернативу—безнадежное пребывание в одиночном заключении до смерти, или просьба: он выбрал последнее. Мелочность этого царя характеризуется тем фактом, что Бакунину пришлось употребить в десять раз больше покорных фраз, чем в 1851 году в обращении к внушавшему всем трепет самому Николаю I. Он выдержал эту церемонию и сделал трогательное и памятное описание мук медленной смерти от одиночного заключения (14 февраля 1857 г.).

Пять дней спустя царь написал: „Не вижу другого пути для него, как поселение в Сибири" и он был сослан в Томск (западная Сибирь), потом в Иркутск (южная Сибирь, 1859 г.), откуда летом 1861 года он наконец бежал через Японию и Америку в Лондон (декабрь 1862 г.).

Эти заметки должны быть достаточными, чтобы предостеречь товарищей против других статей типа статьи Кибальчича, а также против нежелательного и потрясающего впечатления, которое текст или перевод „Исповеди" 1851 г. и письма к Александру II 1857 г. произведет на читателя, знакомого с позднейшими бакунинскими произведениями и идеями и не изучавшего истории его ранней жизни, известной тем не менее по безчисленным источникам, хотя об ней очень мало писалось по английски. Быть справедливым, и рассуждать на основании серьезных исторических данных—вот все, что требуется, и тогда также и эта исповедь встретит полное понимание, как человеческий документ действительности и фантазии, смелости и хитрости—порождение их *середины*, что и не могло быть иначе.

22 марта 1922 г. *М. Неттлау.*

(„Freedom" № 395, май 1922 г.)

К вопросу об организации КРОПОТКИНСКОГО МУЗЕЯ.

В 171 (1610) „Известий ВЦИК" от 2-го августа т. г. в отделе *Хроники искусства* появилась следующая заметка:

„МУЗЕЙ ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА.

„Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина приступает к организации музея имени П. А. Кропоткина в Москве, в доме, в котором Петр Алексеевич родился и провел свои детские годы. Комитет обращается ко всем общественным, рабочим и кооперативным организациям, а также ко всем отдельным гражданам с призывом притти на помощь в деле организации музея. Все пожертвования можно направлять по адресу: Москва, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), пер. Кропоткина, д. № 26, Всеросс. общ. комитет по увек. памяти П. А. Кропоткина, казначею Ростковскому, или же вносить в государственный банк на текущий счет комитета № 723".

Нужно пожалеть, что в этом обращении не указано, хотя бы в общих чертах, какой характер предполагается дать музею: будет ли он исключительно посвящен личной жизни Кропоткина или музей будет охватывать все отрасли научной мысли и общественного движения, совокупность которых привела П. А. к научному обоснованию и проповеди анархизма?

В первом случае задача свелась бы к снабжению родных и близких друзей П. А. материальными средствами для собирания и хранения реликвий, относящихся к его личной жизни. Во втором —музей стал бы своего рода научным учреждением по анархизму имени П. А. Кропоткина и потребовал бы не только материального, но и прямого деятельного содействия широких общественных слоев.

Первая постановка дела едва ли удовлетворила бы самого Петра Алексеевича, если бы этот вопрос обсуждался с ним самим при его жизни. Идеолог творчества народных масс, *малых мира сего*, отверг бы алтарь, который друзья захотели бы воздвигнуть ему. Духовный мир Кропоткина был слишком жизненен, чтобы его можно было замуравить, хотя бы даже после его смерти, в застывшие рамки архивного музея. Кроме того, самый основной вклад в музей—5.000 брошюр по анархизму, собранных самим Кропоткиным, которые вдова покойного вносит в него,—является показателем воли самого учителя. Он с любовью собирал эту коллекцию, по всей вероятности самую богатую в мире, не для того, чтобы зарыть ее в архивной пыли, а чтобы по ней последующие поколения могли изучать ту массу личных усилий, которые создали современное анархическое движение. Не раз он напоминал нам самим, чтобы сдавали наши брошюрки в Румянцевский Музей и Университетскую библиотеку, указывая какую большую пользу ему оказали коллекции брошюр Британского Музея при исследовании истории Великой Французской Революции.

Нет сомнения, что Кропоткин внес самый крупный вклад в анархическое учение, дал самый сильный толчек анархическому движению, но тем не менее он не захотел бы заслонить собою то, что сделали его предшественники, его современники,—многие из которых были его личными друзьями-соратниками,—и то, что сделают его последователи. Словом Кропоткинский Музей должен стать *музеем по анархизму имени Кропоткина*, хорошо снабженным и заботливо пополняемым, чтобы быть достойным Кропоткина не только по названию, но и по духу.

Анархическое движение нуждается в хорошо организованном научном учреждении, в котором были бы собраны возможно полнее сокровища анархической мысли, в первую очередь, конечно, все

печатные произведения и рукописи самого Кропоткина, чтобы всякий серьезный исследователь мог найти в нем богатый материал для изучения, развития и распространения анархизма. Подобное академическое учреждение имело бы большое, не только общероссийское, но и международное значение.

Вот какой характер следовало бы дать В. О. Комитету проектируемому им музею памяти Кропоткина.

Но как привести в исполнение подобную широкую задачу когда у Комитета нет никаких определенных средств?

Прежде всего нужно отметить, что в России *в некоторых отношениях* мы находимся в особо благоприятных условиях для осуществления намеченной цели. Одно то, что Московский Совет предоставил в распоряжение Комитета довольно просторное и хорошое здание под музей, выделил нам, так сказать, нашу долю из общей массы экспроприированных недвижимостей, является огромным подспорьем в данном культурном деле. Цивилизованный Запад нас не избаловал подобным благожелательным отношением. Правда, наш *надел* из жилищного фонда достался нам далеко не в исправном виде и нуждается в серьезном ремонте, но все же музей имеет *свой кров* на белом свете.

Предложенная Главмузеем материальная субсидия, понятно, была неприемлема для анархического музея, как черпаемая из принудительных государственных налогов, поэтому Комитету приходится самому изыскивать средства для организации и содержания музея.

Вышеприведенное обращение для сбора добровольных пожертвований является одним из путей для добывания средств. Нужно пожелать полный успех данному сбору, но вместе с тем не надо делать себе иллюзий: при нынешней общей бедноте сбор может дать недостаточные и, главное, непостоянные средства.

Нам кажется, что целесообразнее будет создать вокруг музея несколько производственных предприятий, организованных на артельных началах, в которых группы идейных людей смогли бы, по заветам самого Кропоткина, об'единить умственный труд с ручным и создать те образцы высокопродуктивных мастерских, которые могли бы, с одной стороны, кормить самих трудящихся, с другой —материально обеспечить музей. Наш опыт с типографией „Почин", давшей нам возможность *без средств*, одной лишь высокой производительностью труда, одухотворенного идеей, издавать наш орган и целую серию брошюр, дает нам основание расчитывать на полный успех. Но для таких производственных предприятий опять таки нужен *надел* из общего фонда национализированных орудий производства. Группа товарищей обратилась в Московский Совет с просьбой отпустить ей, в целях материального содействия музею, необходимый инвентарь для оборудования переплетно-картонажной и линевальной мастерской. Понадеемся, что это справедливое требование будет удовлетворено.

ОТВЕТ ТОВАРИЩУ ИЗ ПРОВИНЦИИ.

Ваша статья „Что делать?" не может быть напечатана. Она написана в слишком резких выражениях.

На ваш вопрос в значительной мере отвечает статья о „Российской действительности" в последнем номере „Голоса Труженика", издающемся в Чикаго. Вот что в ней говорится:

„Критику большевизма нам, пожалуй, пора поставить на задний план. . . . . Мы же должны упорно и настойчиво творить наше дело, дело жизни живой, активной, сознательной и, следовательно, революционной. Пора, давно уже пора бросить нудную надоевшую жвачку про неясную, во мгле будущего мерцающую, манящую и обольстительную анархическую коммуну. Маниловский лепет о дивной красоте безвластия, о солнце анархизма, о самоутверждающейся человеческой личности, не признающей никаких пут и оков, все эти „милые" разговорчики, которые слишком общи и туманны, а посему непонятны и противны здоровой логике трудящихся—мы должны отмести от себя. Каждый из нас, безгосударственных социалистов, должен у себя на фабрике, в союзе, в организации и на собрании обдумывать и совместно обсуждать **нашу** *программу действия*. Одной голой критикой современного строя далеко не пойдешь. Нам нужно научиться говорить без обиняков и туманных фраз *не только то*, куда мы хотим итти, но *каким путем* и *какими конкретными средствами* мы должны добиться нашего идеала. Если мы не хотим быть больше в трагической роли вечно льющих воду на чужую мельницу, если мы действительно стремимся к тому, чтобы наша пропаганда не явилась в Советской России, в конечном счете, на руку меньшевикам или другим государственникам, а в Европе и Америке . . . . . если мы хотим делать наше дело, дело рабочих и крестьян—мы должны без лишних фраз приступить к организации наших анархо-синдикалистских сил и к неослабной вдумчивой работе в революционно-пролетарских организациях . . . . . и сами налаживать свой путь к новой свободной трудовой жизни на началах антигосударственности, федерализма, самодеятельности организаций трудящихся, артелей, общин, кооперативов, производственных союзов и т. д., взаимной помощи и сознательной самодисциплины".

Мы предвидим, товарищ, ваше возражение, что „у нас в провинции не то, что в вас в столице", что многое, допускаемое в Москве, немилосердно преследуется на местах. Но ведь мы не можем же расчитывать, чтобы государственная власть устилала

розами наш путь борьбы с нею. Не без жертв и напряженных усилий достается и то немногое, что нам удается печатать в центре.

Почта безпрепятственно доставляет литературу, используйте ее пошире, развивайте пропаганду, тем самым вы разовьете и литературу. Там, где невозможны сходки и собрания, всегда возможна личная пропаганда.

. . . . . .

. . . . . .

Если мы находили возможной пропаганду при царском строе, то тем более она возможна теперь. Революция все же нам кое-что дала. Новая власть, без традиции, не является той неприступной скалой, какой была старая. Нередко смелое слово укора действует на нее благотворно. Но если все же жертвы неизбежны, зато велико и нравственное удовлетворение от достигнутых успехов. Отвергая государственные принудительные приемы, мы можем расчитывать только на нашу личную пропаганду для обновления общественных порядков. Как дождевые капли сливаются в бурный поток, так и наши усилия, как бы слабы они ни были в отдельности, в общей сумме снесут устои отжившей свой век дикой принудительной государственности. *Ред.*

Нередко товарищи из провинции спрашивают, могут ли они присылать статьи в „Почин". Всякому сотрудничеству мы будем очень рады и если по политическим (ценз.), литературным и техническим причинам не все сможем использовать, то во всяком случае постараемся откликнуться на запросы жизни, затронутые в письмах и статьях наших друзей и читателей.

К сведению читателей и ответы товарищам.

—При этом номере рассылается список анархической литературы, имеющейся в книжной экспедиции при Музее имени Кропоткина, с указанием цен в ден. знак. образца 22 г.. С требованиями обращаться: МОСКВА, ул. Кропоткина (бывш. Пречистенка), пер. Кропоткина, завед. книжной экспедицией М. П. Шабалину.

—„Почин" высылается всем лицам, группам и организациям, сделавшим соответствующий запрос, в расчете на материальную поддержку по их усмотрению *по мере получения последующих №№.*

—Для поддержания органа редакцией получено (ден. знак. обр. 22 г.): от Ковровской группы—45 руб. и 16 р. 25 к., от Н. О. из Костромы—50 р., от И. Т. из Краснодара—150 р., от И. П. из Царицына—100 р., от Н. Г. из Владикавказа—100 р., от Г. Р. из Пучежа—250 р., от Г. С. из Костромы—100 р., от Д. С. из Гомеля—100 р., от А. К. из Знобы—100 р., от А. Д. из с. Богословского—150 р., от Г. П. из Мензелинска—200 р., от В. Б. из Судогды—1000 р., от П. из Меленки—50 р., от Н. Ш. из Камышина—30 р., от В. К. из Кононовки—70 р., от Н. Н. из Москвы—100 р., от Г. А. из Ростова на Дону—300 р., от Л. Я. из Зубрилова—100 р., от С. из Архангельска—1000 р., от Н. Х. из Перми—200 р., от К. Г. из Калиновичей—100 р. и от П. Л. со ст. Кауфманской—1000 р.. Спасибо всем.

Благодаря притоку средств мы получили возможность покрыть главные наши расходы,—стоимость бумаги и почтовых отправлений,—а потому просим товарищей и сочувствующих энергичнее распространять наш орган, не стесняясь количеством выписываемых экземпляров. В частности, просим сообщать нам адреса провинциальных общественных библиотек и читалень для бесплатной отправки им „Почина". Расширив круг наших читателей, быть может мы найдем материальную возможность и литературное сотрудничество, чтобы выпускать наш орган почаще.

—Тов. З. в Полтаве. Ваши замечания об уродливых явлениях под знаменем анархизма в России вполне справедливы. Их не чуждо было и западно-европейское движение. Но эти извращения мысли заслуживают не полемики и „отлучения", а изучения, как болезненных явлений. В естественной истории существует целая отрасль науки, изучающая уродства, она называется *тератологией*. Нечто схожее следовало бы создать и в обіественной науке, и тогда все бы убедились, что уродливые проявления свойственны не одному анархическому движению.

То, что вы пишете об отрицательных сторонах *махновщины* вполне правдоподобно и об'ясняется военной обстановкой. Нам самим приходилось наблюдать во время мировой войны, как добровольческие отряды одной маленькой национальности, возникшие из чисто идейных побуждений, выродились в своего рода банды.

Но вопрос заслуживает документального, *исторического* изучения. Нельзя прошлое оценивать одними впечатлениями. Собирайте материалы, если имеете возможность.

—Убедительно просим, при требовании „Почина", писать адреса *четко*. Несколько запросов мы не в состоянии удовлетворить из-за неразборчивости и неполноты адресов.

Запросы, материалы и деньги просим направлять по адресу ответственного редактора:

МОСКВА, Коровий Вал, дом 16, кв. 14.
Тов. А. Атабекян.

Типогр. Труд. Арт. „Почин", Коровий Вал. 23.—Р. Ц. № 1257.